

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2438](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438)

Е. А. Ходжаева

**ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ
ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЗАВИСИМЫХ
ВИКТИМИЗАЦИОННЫХ ОПРОСОВ (RCVS 2018, 2021):
СЛУЧАЙ «УДАЛЕННЫХ» ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Правильная ссылка на статью:

Ходжаева Е. А. Оценка достоверности официальной статистики преступности посредством независимых виктимизационных опросов (RCVS 2018, 2021): случай «удаленных» имущественных преступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 93—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438>.

For citation:

Khodzhaeva E. A. (2024) Estimating Validity of Official Crime Statistics via Victimization Surveys (RCVS 2018, 2021): Case of Online Property Crime. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 93–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438>. (In Russ.)

Получено: 15.06.2023. Принято к публикации: 05.02.2024.

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЗАВИСИМЫХ ВИКТИМИЗАЦИОННЫХ ОПРОСОВ (RCVS 2018, 2021): СЛУЧАЙ «УДАЛЕННЫХ» ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>*

Аннотация. В статье проводится сравнение официальной статистики регистрируемой и расследованной имущественной преступности в сфере интернета и телекоммуникационных технологий с результатами виктимизационных опросов 2018 и 2021 гг. Оба источника данных демонстрируют, что в России в период пандемии COVID-19 возросло число имущественных преступлений, совершаемых удаленно через компьютерные или телефонные сети. После оценки результатов виктимизационного опроса выяснилось, что масштабы явления в официальных данных сильно занижены. Это объясняется как высокой латентностью явления (больше половины людей, рассказавших в опросах о материальном ущербе, не заявляли в полицию), так и искусственной латентностью, когда регистрируется менее пятой части заявлений. В результате исследования автор приходит к выводу, что в России официальные данные об имущественной преступности лишь частично отражают масштабы нового тренда на замещение «традиционных» краж и face-to-face мошенничества такими же типами хищений, но совершаемыми онлайн.

ESTIMATING VALIDITY OF OFFICIAL CRIME STATISTICS VIA VICTIMIZATION SURVEYS (RCVS 2018, 2021): CASE OF ONLINE PROPERTY CRIME

Ekaterina A. KHODZHAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Institute for the Rule of Law

*E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>*

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article compares official statistics on registered and investigated online property crime and the results of victimization surveys in 2018 and 2021. Both data sources show that in Russia during the COVID-19 pandemic, the number of property crimes committed remotely through computer or telephone networks has increased. Assessing the results of the victimization survey revealed that the scale of the phenomenon in official data is greatly underestimated. This is explained both by the high level of dark figure of crime (more than half of the people who reported material damage in surveys did not report it to the police) and by the grey figure of crime, when less than a fifth of statements are registered. The author comes to the conclusion that in Russia, official data on property crime only partially reflects the scale of the new trend towards replacing “traditional” thefts and face-to-face frauds with the same types of crime, but committed online.

Ключевые слова: киберпреступность, имущественные преступления, виктимизация, официальная статистика преступности, латентность преступности

Keywords: cybercrime, property crime, victimization, criminal statistics, crime latency

Благодарность. Автор выражает благодарность всем научным сотрудникам ИПП ЕУ СПб, благодаря которым стали возможными две волны виктимизационного опроса в России, и отдельно Дмитрию Серебренникову за помощь с расчетами и Денису Савельеву за первый опыт осмысления этих данных.

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to all colleagues from the Institute for the Rule of Law at European University at St. Petersburg, whose efforts have allowed to carry out two waves of the RCVS, and especially to Dmitriy Serebrennikov who helped with data calculations and Denis Saveliev who assisted in the first steps of their interpretation.

Введение

Рост числа киберпреступлений (совершаемых через компьютеры и интернет) и случаев «удаленного» мошенничества (online/wire fraud), механизм которых включает различные формы введения в заблуждение жертвы через телефон или сеть, — общемировой тренд в последние десятилетия¹. При этом среди криминологов нет общего подхода к типологизации таких преступлений, осуществленных онлайн или по телефону [Wall, 2001; Furnell, 2002; Reep-van den Bergh, Junger, 2018]. Общим местом является разделение их на три больших класса явлений [Wall, 2007]:

- 1) преступления, интегрированные с компьютерными технологиями (computer-integrity crimes: взломы данных и систем, отказ в обслуживании);
- 2) традиционные преступления, совершенные при помощи технологий (computer-assisted crimes: виртуальные кражи, мошенничество и даже ограбления);
- 3) преступления, связанные с распространением контента через компьютерные системы (computer-content crimes: в частности, распространение порнографии, насильственной и травмирующей коммуникации).

Первая группа может быть названа киберпреступностью в узком смысле слова и включает те преступления, которые «эндемичны» интернету и компьютерным технологиям. Вторая и третья группы — это «то же старое вино, но в новой бутылке» [Wall, 1999; Grabosky, 2001], — включают те виды преступного поведения, которые обычны для «офлайн»-жизни, но сегодня используют компьютерные или телефонные сети. В литературе эти две группы называются соответственно киберактивной (cyber-enabled) и киберзависимой (cyber-dependent) преступностью [Weulen Kranenbarg, 2021].

Самое первое исследование, проведенное в первые месяцы пандемии COVID-19, не зафиксировало роста преступности в связи с локдауном и погружением людей в работу, развлечения и потребление через интернет [Hawdon, Parti,

¹ См. доклад об «удаленном» мошенничестве в США [Irvin-Erickson, Ricks, 2019] и обзор европейских виктимизационных опросов [Reep-van den Bergh, Junger, 2018].

Dearden, 2020]. Однако последующие наблюдения зафиксировали рост числа случаев «удаленного» мошенничества и киберпреступлений: на данных виктимизационных опросов [Baier, 2020; Kennedy, Rorie, Benson, 2021]; на полицейской статистике [Buil-Gil et al., 2021; Hardyns et al., 2022; Johnson, Nikolovska, 2022]; на данных глобальных компаний, обеспечивающих кибербезопасность [Khweiled, Jazzar, Eleyan, 2021]. В литературе также описаны особые формы мошенничества, связанные именно с ситуацией пандемии [Kennedy, Rorie, Benson, 2021].

Российский случай не стал исключением. На официальных статистических данных по динамике преступности в сфере информационных технологий отечественные криминологи уже частично описали этот тренд, преимущественно на данных по 2020 г. [Хоменко, 2021: 144—145; Дворянкин, 2022: 19—20]. Опросные данные также фиксируют рост онлайн-преступности в пандемию: сравнение двух волн виктимизационного опроса россиян, проведенных Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2018 и 2021 гг. (далее RCVS-2018 и RCVS-2021), показывает, что произошел рост «удаленных»² имущественных преступлений (то есть совершенных через интернет или телефон) [Кнорре, Титаев, 2018; Серебренников, Титаев, 2022]. Исследование, как мы покажем ниже, фиксирует важный факт: распространенность совершенных онлайн или по телефону случаев мошенничества и краж приводит к тому, что россияне становятся все более чувствительными к этой категории противоправных действий: выросла в три раза доля тех, кто ощущает себя жертвой таких преступлений, не понеся никакого имущественного ущерба.

Задача данного исследования — оценить степень достоверности официальной статистики регистрации имущественных онлайн-преступлений через сопоставление ее с данными виктимизационных опросов³. Это соотносится с общемировой практикой оценки работы полиции через опросы граждан о виктимном опыте. Поскольку имущественная преступность имеет высокую латентность, сравнение результатов виктимизационных опросов с уровнем официально регистрируемой и расследуемой преступности позволяет оценить масштабы этого явления. Детальный анализ ответов граждан, ставших жертвами преступления, об их пост-виктимном поведении (обращении в полицию, результатах этого обращения) делает возможной оценку уровня так называемых естественной и искусственной латентности⁴. Первая означает долю людей, по тем или иным причинам не обратившихся в полицию, а вторая — практику отказов в регистрации преступления. Причины последнего имеют институциональную природу: например, сокрытие преступлений, имеющих высокий риск оказаться нерасследованными и тем самым портящими статистику раскрываемости, или, например, увеличивающих нагрузку на полицейских в силу сложности расследования.

² Авторы исследования используют это обобщенное название данной группы преступлений. В англоязычной литературе для такого вида преступности встречается общий термин *online property crime* [Cherni et al., 2016]. Мы в рамках статьи воспринимаем эти два названия — «удаленные» преступления и онлайн-преступления — как синонимичные.

³ Данная статья развивает подробнее расчеты, уже опубликованные ранее в кратком формате [Ходжаева, 2023].

⁴ Термины существуют в российской криминологии [Гилинский, 2002: 47; Горяинов, Исиченко, Кондралюк, 1994; Латентная преступность..., 2007]. В зарубежной литературе эти явления называются *dark* или *grey figure of crime* (темные или серые показатели преступности) [Penney, 2013].

Статья основывается на открытых данных официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ и результатах двух волн виктимизационного опроса. С 2018 г. Генеральная прокуратура публикует⁵ отдельную форму учета «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации»⁶. Здесь отдельно учитывается широкий набор типов преступлений, который так или иначе по отчетности проходит как совершенный при помощи интернета или телефонных систем. В приложении 1 приведены все массово практикуемые (более 50 преступлений в 2021 г.) составы Уголовного кодекса РФ, учитываемые в этих формах учета (см. табл. 3). Мы видим, что они включают как специфические киберпреступления (по главе 28 УК РФ), но также и наркотические составы, и экстремистские, и «беловоротничковые» преступления против собственности, и даже преступления против половой неприкосновенности. В статье мы будем рассматривать те составы Уголовного кодекса, которые можно охарактеризовать как преступления против собственности, совершаемые чаще всего в отношении обычных граждан, а не юридических лиц, а именно кражи (ст. 158 УК РФ) и неквалифицированное мошенничество (ст. 159 УК РФ). Для расчетов места зарегистрированной и расследованной преступности в общем потоке дел по определенной категории были использованы данные из того же источника, но из форм⁷, содержащих сведения о числе зарегистрированных и расследованных дел в целом.

Вторым источником данных для нас служат результаты двух волн виктимизационных опросов, проведенных весной и в начале лета в 2018 и 2021 гг. методом телефонных интервью (CATI — computer assisted telephone interviews). Респондентам задавался скрининговый вопрос о том, становились ли они жертвой противоправных действий или покушений на них за последние пять лет, и тех, кто ответил «да», подробно расспрашивали об обстоятельствах инцидента и о поствиктимном опыте (подробнее о деталях опроса см. приложение 2)⁸. В первую волну было опрошено более 16 818 человек, из них жертвами преступлений за последний год себя назвали 1288 респондентов, что в оценке на тысячу жителей страны составляет 76,6 человек⁹. Во вторую волну опроса жертвами преступных действий в отношении себя за последний год назвали 1571 из 14 431 опрошенного, или 108,9 человек из тысячи¹⁰, то есть больше чем каждый десятый россиянин [Серебренников, Титаев, 2022: 8].

В первой части статьи мы опишем официальную статистику имущественной онлайн-преступности, во второй сравним данные виктимизационных опросов и официальной статистики об «удаленных» имущественных преступлениях. В за-

⁵ Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022).

⁶ Для 2018—2020 гг. — форма 4-ЕГС, раздел 11, для 2021 г. — форма 4-ЕГС, раздел 9.

⁷ Для 2018—2020 гг. — форма 4-ЕГС, раздел 2, для 2021 г. — форма 4-ЕГС, раздел 2 и форма 4-ЕГС, раздел 3.

⁸ Подробно метод опроса изложен в коллективной статье авторов проекта [Веркеев и др., 2019].

⁹ Здесь и все другие расчеты на 1000 человек произведены для 1000 совершеннолетних жителей России за последние 12 месяцев до опроса или до сбора официальной статистики.

¹⁰ В статье не будут сделаны самостоятельные расчеты по виктимизационному опросу. Мы везде ссылаемся на расчеты авторов исследования и используем только те данные, которые выявляют статистически значимые различия.

ключительной части представим дискуссию об оценке официальных данных о преступности через виктимизационные опросы в целом и применительно к преступлениям, совершенным онлайн или через телефонные сети.

Официальная статистика имущественной онлайн-преступности

За последние четыре года в России произошел трехкратный рост регистрации преступлений, учитываемых как совершенные в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту — в сфере ИКТ). Если в 2018 г. по официальным данным таких преступлений было 1,5 на тысячу человек, или менее 9 % в общем потоке регистрируемой преступности, то в 2021 г. по официальным данным — 4,5 преступления на тысячу россиян, или 25 % от всех преступлений (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика преступлений, учитываемых как совершенные в сфере ИКТ¹¹

Официальная статистика агрегирует рассматриваемые категории преступлений по типу технологии. По имеющимся данным, чаще всего эти преступления совершались через интернет или мобильную телефонию (53—68 % и 35—43 % соответственно¹²). Во время пандемии увеличилось число зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием пластиковых карт: в 2018 г. пра-

¹¹ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022); форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

¹² Рост числа официально зарегистрированных преступлений, совершенных через интернет, с 2018 г. выглядит следующим образом: в 2018 г. было зарегистрировано 108 тыс. таких преступлений, в 2019—157 тыс., 2020 г.—300 тыс., а в 2021 г.—351,5 тыс. В процентном отношении к числу всех зарегистрированных преступлений в сфере ИКТ эти объемы регистрируемой преступности составляли 62 % в 2018 г., 53 % — в 2019 г., 59 % — в 2020 г. и 68 % — в 2021 г. Число зарегистрированных преступлений, совершенных посредством мобильной телефонии, также росло значительно: в 2018 г. было зарегистрировано 61,3 тыс. таких преступлений, в 2019 г.—116 тыс., в 2020 г.—219 тыс., и в 2021 г.—218 тыс. В процентном отношении к общему числу преступлений в сфере ИКТ они составляли в 2018 г. 35 %, в 2019 г.—39 %, в 2020 г.—43 % и в 2021 г.—42 %. Суммы процентов превышают 100 %, так как правоохранительные органы нередко в карточках учета фиксируют и телефон, и интернет как средство для совершения преступления. Например, контакт с мошенниками начинался по телефону, а платежи осуществлялись онлайн, а не через посредника или визит в банк.

воохранительные органы зарегистрировали 16,4 тыс. таких преступлений (9% от всех учитываемых по категории преступлений в сфере ИКТ), в 2019 г. это число удвоилось до 34,4 тыс., но в относительных показателях увеличилось незначительно — до 12%. В 2020 г. произошел рост регистрации преступлений, связанных с пластиковыми картами, до 190 тыс. в год (37%). В 2021 г. зафиксирован небольшой спад — до 165,7 тыс. (33%). Одновременно с увеличением числа зарегистрированных преступлений, связанных с пластиковыми картами, снизилась их раскрываемость: в 2018 и 2019 гг. правоохранительные органы добивались 40 и 41% раскрытия соответственно (что в целом высокий показатель для имущественной преступности в России), а в 2020—2021 гг. — 17—24%.

Далее мы будем рассматривать два вида имущественных преступлений — не квалифицированное мошенничество (ст. 159 УК РФ) и кражи (ст. 158 УК РФ), совершенные и использованием ИКТ (мы будем называть их обобщенно «удаленными» имущественными преступлениями). Эти два состава среди всех регистрируемых по данной категории преступлений стабильно составляют порядка трех четвертей, а среди расследованных — от двух пятых до половины всей расследуемой киберпреступности (см. табл. 1).

Таблица 1. Доли случаев «удаленного» мошенничества и краж среди зарегистрированных и расследованных преступлений в сфере ИКТ, %

Год	Доля случаев «удаленного» мошенничества и краж среди зарегистрированных преступлений в сфере ИКТ (в %)	Доля случаев «удаленного» мошенничества и краж среди расследованных преступлений в сфере ИКТ (в %)
2018	70,6	45,1
2019	74,3	47,2
2020	75,2	41,5
2021	76,4	52,8

Источник: открытая статистика Генеральной прокуратуры, Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

Неквалифицированное мошенничество было в 2018 г. и остается самым популярным регистрируемым в официальной статистике «удаленным» имущественным преступлением: в 2018 г. таковых было 90,7 тыс., что составляло почти половину всех случаев мошенничества в тот год. Именно в период пандемии (2020 и 2021 гг.) наблюдался ежегодный рост регистрации случаев «удаленного» неквалифицированного мошенничества до 210,5 и 239,6 тыс. соответственно, что составило три четверти всех преступлений, зарегистрированных по этому составу уголовного закона (см. рис. 2). Причем шансы на раскрытие дела в случае «удаленного» неквалифицированного мошенничества невысоки — 6—10%¹³. Этого

¹³ В наблюдаемый период одновременно с увеличением числа зарегистрированных случаев «удаленного» мошенничества снижалась их раскрываемость: в 2018 г. были раскрыты 9,3 тыс. случаев «удаленного» мошенничества из 90,7 тыс. (10,1%), в 2019 г. — 9,8 тыс. из 120 тыс. (8%), в 2020 г. — 13,2 тыс. из 210,5 тыс. (6,3%). Ситуация с раскрываемостью несколько выправилась в 2021 г., когда были раскрыты 20,8 тыс. случаев «удаленного» мошенничества из 238,5 тыс. зарегистрированных (8,7%).

нельзя сказать о мошенничестве, совершенном без использования ИКТ (скорее всего, потерпевший видел или даже знает злоумышленника): среди таких преступлений доля раскрытых значительно выше — 36 % в 2018—2019 гг., 41—42 % — в 2020—2021 гг. (см. рис. 3).

Рис. 2. Динамика регистрации случаев «удаленного» невалифицированного мошенничества и «удаленных» краж (ст. 159 и ст. 158 УК РФ)¹⁴

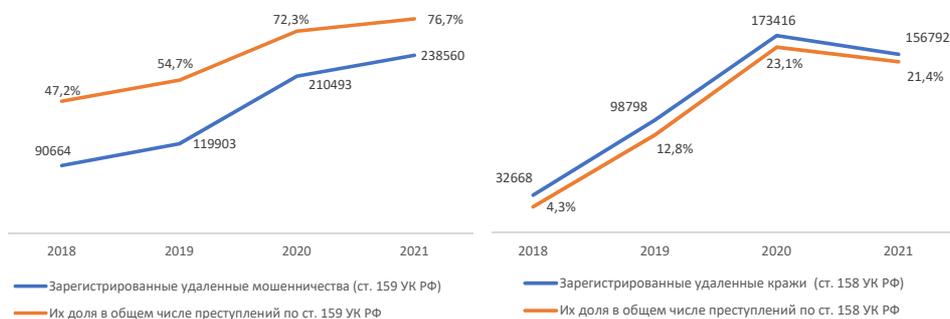
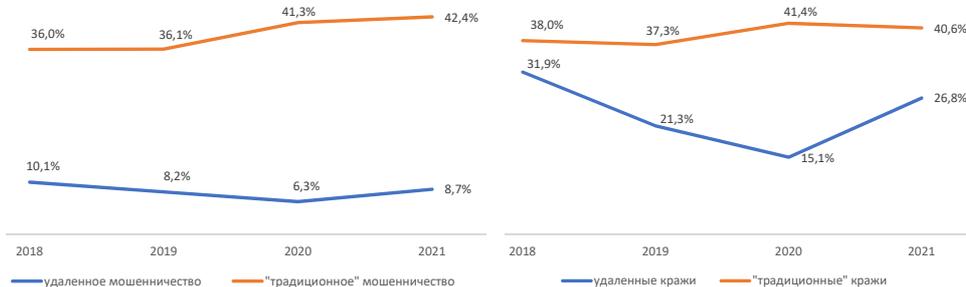

Рис. 3. Раскрываемость «удаленных» и «традиционных» случаев невалифицированного мошенничества, краж¹⁵

Кражи — второй по масштабности вид «удаленных» имущественных преступлений, регистрируемых правоохранительными органами в России: в 2021 г. Таких преступлений совершено 156,8 тыс., и это больше пятой доли всех регистрируемых краж в стране. Важно также отметить, что почти все регистрируемые «удаленные» кражи (155,4 тыс.) — это хищение электронных денежных средств (п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК), в основном с пластиковых карт. В 2018 г. Ситуация с регистрацией этих преступлений была кардинально иной — тогда было зарегистрировано всего 32,7 тыс. краж, что составляло 4 % от всех тайных хищений, регистрируемых по ст. 158 УК РФ. Таким образом, с 2018 по 2019 г. Регистрация «удаленных» краж выросла почти в три раза, а до 2021 г. — более чем в пять раз (см. рис. 2).

¹⁴ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС разделы 2, 11, для 2018—2020 гг., форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

¹⁵ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

Раскрываемость «удаленных» краж и случаев мошенничества в официальных данных различается. Поскольку большинство «удаленных» краж — это хищение электронных денег с пластиковых карт или с банковских счетов, добиться раскрытия преступления правоохранительным органам удается в два-три раза чаще, чем когда речь идет об «удаленном» мошенничестве. С ростом числа зарегистрированных «удаленных» краж резко снизилась их раскрываемость — с трети в 2018 г. до 15 % в 2020 г., когда таких краж было зарегистрировано больше всего. Если кража или мошенничество совершены удаленным способом и дело зарегистрировано в полиции, то шансы на раскрытие дела в пять раз меньше по сравнению в «традиционным» face-to-face мошенничеством, и в два раза меньше по сравнению с «традиционными» кражами (см. рис. 3).

Таким образом, доступная в России криминальная статистика фиксирует ежегодный рост «удаленных» преступлений: к 2021 г. пятая часть всех преступлений, регистрируемых в России, вошла в категорию совершенных в сфере ИКТ. При этом подавляющее большинство (три четверти) от регистрируемой киберпреступности — это кражи и неквалифицированное мошенничество. Особенно сильно выросло число зарегистрированных «удаленных» краж и случаев мошенничества в 2020 г., на фоне эпидемии COVID-19.

Более открытая к «удаленным» имущественным преступлениям политика регистрации снижает правоприменителям ключевой показатель эффективности их работы — раскрытие уголовных дел. Раскрываемость «удаленного» мошенничества все годы была невысокой (10 % и ниже), а раскрываемость «удаленных краж» в 2020 г. стала существенно ниже, чем была в 2018 г., когда таких преступлений регистрировалось в пять раз меньше. На фоне того, что «традиционные» кражи и face-to-face мошенничества раскрываются значительно чаще, чем совершенные онлайн или посредством телефонной связи, полиция, повышая из года в год долю регистрации именно последних, увеличивает и риск снижения итоговых показателей раскрываемости. Это стоит воспринимать как сдерживающий регистрацию «удаленных» преступлений фактор, который может повышать искусственную латентность (grey figure of crime). Далее проследим на данных виктимизационного опроса, отражает ли официальная статистика масштаб «удаленных» имущественных преступлений.

Сравнение результатов опроса с официальной статистикой: латентность объясняет различия лишь частично

В оценке на тысячу россиян в 2018 г. жертвами «удаленных» имущественных преступлений себя назвали 27,6 человека из тысячи, а в 2021 г. — уже 63,4 [Серебренников, Титаев, 2022: 10]. При этом выросла доля тех, кто ощущал опыт виктимности от «удаленных» преступлений, даже не имея материального вреда: в 2018 г. жертвами таких покушений на преступления себя считали 22 человека из тысячи, а в 2021 г. — почти в два раза больше, 39,7 человека на тысячу россиян [там же: 10]. Одновременно почти в три раза вырос и показатель виктимности от законченных «удаленных» имущественных преступлений (когда жертве был причинен реальный имущественный вред) — с 13,1 человека на тысячу до 31,3 [там же: 10]. Расчеты данных виктимизационного опроса показывают переформатирова-

ние преступности в пандемийный период. Если в 2018 г. жертвы «удаленных» преступлений в более чем половине случаев (52 %) теряли наличные деньги, а деньги с карты или со счета утрачивал только каждый пятый (20,5 %), то в 2021 г. ситуация изменилась: ущерб от таких преступлений стал чаще наноситься в безналичных деньгах (40 % жертв) и реже в наличных (29,3 %) [там же: 19].

Данные виктимизационных опросов показывают, что в постковидной ситуации «удаленные» имущественные преступления стали основной причиной виктимизации населения страны: RSVC-2018 показал, что 27,5 % всех жертв преступлений пострадали от удаленных преступлений или покушений на них, тогда как в RSVC-2021 таковых было 63,4 % [Серебренников, Титаев, 2022: 10]. При этом половина тех, кто посчитал себя жертвами таких преступлений, утверждали в 2021 г., что не понесли материального ущерба.

К сожалению, в указанных опросах, в силу их методических особенностей, сложно различить случаи «удаленного» мошенничества и краж, поэтому далее мы будем сравнивать результаты опроса с официальной статистикой, объединяя эти два вида преступлений. Косвенно оценить сравнимость официальных и опросных данных позволяют данные о составе жертв — как в опросе, так и в официальных данных (доступны только по статистике краж электронных денег) жертвами чуть чаще оказываются женщины (55,4 % в опросе¹⁶ и 54 % в официальной статистике 2021 г.¹⁷).

При оценке вероятности стать жертвой «удаленного» имущественного преступления на основании официальной статистики и виктимизационного опроса мы видим, что она увеличивается в три раза в обеих метриках (см. табл. 2). Единственное и ключевое различие состоит в том, что официальные данные и независимые показатели виктимизации населения показывают различие в оценках на порядок. По опросным данным, жертвами, понесшими материальный вред от «удаленных» имущественных преступлений, в 2021 г. стали более чем 31 человек из тысячи, а показатели официальной регистрируемой преступности по таким же преступлениям дают оценку в 3,5 человека. Аналогична пропорция и для 2018 г. — 13 человек по субъективным данным о виктимизации против 1 человека из тысячи по данным официальным.

Таблица 2. Число «удаленных» имущественных преступлений (краж и случаев неквалифицированного мошенничества) с имущественным вредом по данным официальной статистики и RSVC (в расчете на 1000 человек)

	Официальная статистика*	Опрос**
2018	1,05	13,1
2021	3,4	31,3

* Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС раздел 11, для 2018 г.; форма 4-ЕГС, раздел 9 для 2021 г. Расчет виктимизации выполнен автором.

** Источник: RCVS-2018, RCVS-2021 [Серебренников, Титаев, 2022: 10].

¹⁶ Различия между данными RCVS2018 и RCVS2021 в процентах женщин среди потерпевших от «удаленных» имущественных преступлений статистически незначимы — 59,4 % в 2018 г. и 55,4 % в 2021 г. [Серебренников, Титаев, 2022: 20]. В связи с этим данный показатель не рассматривается в статье в динамике.

¹⁷ Согласно данным официальной статистики из 155379 краж электронных денег в отношении женщин были совершены 84476 (54 %). Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, раздел 3 для 2021 г. Авторский расчет доли потерпевших-женщин.

Наиболее очевидным объяснением такого десятикратного расхождения уровня виктимизации между опросными данными и официальной статистикой является высокая латентность «удаленных» имущественных преступлений.

Таблица 3. **Обращение в полицию, регистрация и расследование «удаленных» преступлений по данным опроса и официальной статистики**

	2018			2021		
	Опрос, %**	Опрос, на тыс. чел. ***	Статистика, на тыс. чел.*	Опрос, %**	Опрос, на тыс. чел.***	Статистика, на тыс. чел.*
«Удаленные» имущественные преступления	100	13,1	Нет данных	100%	31,3	Нет данных
Обращались в полицию	41	5,4	Нет данных	37%	11,6	Нет данных
Заведено дело	18	2,4	1,05	18,5%	5,6	3,4
Дело дошло до суда	3,1	0,4	0,17	2,2%	0,7	0,5

* Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, раздел 11 для 2018 г.; форма 4-ЕГС, раздел 9 для 2021 г. Расчет виктимизации выполнен автором.

** Источник: RCVS-2018, RCVS-2021 [Серебренников, Титаев, 2022: 10, 24]. Авторы отмечают, что различия в динамике статистически незначимы. Это дает нам основание интерпретировать данные так, как будто уровни естественной и искусственной латентности в относительных значениях постоянны по времени.

*** Расчет на 1000 человек выполнен автором при поддержке исследователей из команды RCVS.

Только двое из трех пострадавших от «удаленных» имущественных преступлений обратились в полицию и в 2018, и в 2021 г. Таким образом, показатель естественной латентности этого вида преступлений составляет стабильно не менее 60%. Лишь каждый пятый опрошенный (или каждый второй из тех, кто обратился в полицию) рассказал и в 2018, и в 2021 г., что дело было заведено. То есть показатель искусственной латентности за наблюдаемый период также практически стабилен — половина из обратившихся в полицию не получает регистрации преступления.

Оценки на тысячу населения официальных показателей регистрируемых и раскрываемых «удаленных» имущественных преступлений в целом сходятся, с той лишь разницей, что опросы давали показатели чуть выше официальных данных. Это можно объяснить особенностями достижимости респондентов: чуть чаще могли вспомнить и хотеть рассказать об онлайн-преступлении те, кто довел дело до суда. Кроме того, в случае кражи респонденты могли не различать заведенного административного дела по мелкому хищению от уголовного дела по краже, а официальная статистика фиксирует только уголовные дела. Но в целом различия в регистрируемой и расследуемой преступности не такие существенные, и опросы в целом подтверждают тот объем «удаленных» имущественных преступлений, с которыми *де юре* сталкиваются правоохранительные органы. Они же позволяют оценить уровень естественной (60% всех жертв) и искусственной латентности (половина жертв из числа обратившихся в полицию).

Результаты и дискуссия

Исследования виктимного опыта на основе официальной статистики характерны для российской криминологии [Виктимологическая характеристика..., 2009; Лунев, 2005; Иншаков, 2012]. Этот же источник используется в последние годы и для изучения киберпреступности [Хоменко, 2021; Дворянкин, 2022]. При этом с начала 2000-х годов для оценки реального объема виктимизации в России руководством МВД применялись и опросные методы, показавшиекратно большее значение латентной преступности: на 3 млн зарегистрированных преступлений в 2000 г. по некоторым данным приходилось 17—22 млн преступных посягательств, невыявленных или незарегистрированных МВД [Горяинов, Овчинский, Кондратюк, 2001: 10—11; Лунев, 2005: 282].

Большое значение виктимизационных опросов состоит в том, что мы можем измерить, какая часть латентной преступности [Skogan, 1975, 1977] имеет естественную природу (dark figure of crime), то есть возникает, когда люди не осознают, что против них совершаются преступные действия, или осознают, но не обращаются за помощью в полицию, а также каков объем искусственной латентности, которая возникает в том случае, когда полиция не регистрирует преступления по разным причинам. МВД практически не публикует данные конкретно о динамике виктимизации населения от онлайн-преступности¹⁸. В своей работе мы опирались на результаты независимых виктимизационных опросов, которые показали:

— практически троекратный рост (с 13,1 жертвы на тысячу в 2018 г. до 31,3 в 2021 г.) виктимизации от имущественных преступлений, совершенных через интернет или посредством телефона;

— повышение чувствительности граждан к таким преступным посягательствам: в 2018 г. жертвами покушений на «удаленные» имущественные преступления (без причинения ущерба) себя назвали 22 россиянина из тысячи, а в 2021 г. — почти в два раза больше — 39,8 человека из тысячи.

Схожие с RCVS-2021 данные были получены в другом российском исследовании, которое также опиралось на опросный метод: было опрошено 1500 интернет-пользователей с целью оценить количество жертв киберпреступлений [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022; Жмуров, 2023]. Авторы назвали свой проект первым российским исследованием кибервиктимизации и выяснили в начале 2022 г., что среди всех опрошенных интернет-пользователей страны с онлайн-преступностью сталкивалось подавляющее большинство (88,9%) [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022]. Оценка именно корыстных хищений, приведших к имущественному вреду, составила 33,5% [Жмуров, 2023], что практически совпадает с показателями RCVS-2021: авторы опроса в процентных долях фиксировали онлайн-преступность с ущербом в 32,8% [Серебренников, Титаев, 2022: 32]¹⁹.

Официальная статистика регистрируемой и расследованной имущественной преступности также показывает существенный рост: по «удаленному» мошен-

¹⁸ См. подборку публикаций на официальном сайте МВД РФ по результатам различных опросов общественного мнения: Общественное мнение // МВД РФ. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/publicopinion> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁹ Авторы в обоих исследованиях не указывают размеры доверительных интервалов. Мы исходим из основания, что различия между 33,5% при выборке 1500 человек [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022] и 32,8% при выборке 1571 человек [Серебренников, Титаев, 2022] статистически незначимы.

ничеству — с 90 тыс. в 2018 г. до 238,5 тыс. преступлений в 2021 г.; по кражам, совершенным через телекоммуникационные средства, — с 32,7 тыс. в 2018 г. до 156,8 тыс. в 2021 г. Однако проведенное выше сравнение с данными опросов выявило, что недоучет преступлений растет в большей степени: если в 2018 г. соотношение регистрируемых «удаленных» имущественных преступлений к общему объему виктимизации было 1,5 человека к 13,1 жертв на тысячу населения, то к 2021 г. оно выросло с 3,4 человека до 31,4 на тысячу. То есть трехкратный рост «удаленной» имущественной преступности, несмотря на тот же трехкратный рост числа зарегистрированных полицией случаев, увеличил, но не снизил уровень латентности таких преступлений.

Важным результатом проведенного в статье исследования стала оценка естественной и искусственной латентности имущественных онлайн-преступлений. Расчеты показали: в силу естественной латентности (то есть в результате необращения потерпевших в полицию) российские правоохранительные органы по данным на 2021 г. не видят 60 % всех онлайн-преступлений, когда жертве был нанесен имущественный вред. Более половины из тех, кто обратился в полицию, не получает регистрации дела, и это оценка искусственной латентности онлайн-преступности в России. В итоге правоохранительная статистика и в 2018, и в 2021 г. фиксировала гораздо меньший масштаб явления, чем он обнаруживается опросными методами. Какое значение это может иметь для страны?

Экономический подход к тем же опросным данным (RCVS-2021) через оценку снижения удовлетворенности жизнью в результате опыта виктимизации показал, что по сравнению с традиционными видами имущественных преступлений «удаленные» кражи и случаи мошенничества «стоят» российскому обществу меньше. Сравним:

- грабеж и разбой в стоимостной оценке получают 300 тыс. рублей;
- традиционная кража — от 200 до 205 тыс. рублей;
- мошенничество — 151 тыс. рублей;
- «удаленное» имущественное преступление с ущербом в — не более 61 тыс. рублей, а покушение на него — 31 тыс. рублей [Жижин и др., 2023: 108].

Эти же авторы оценили стоимость преступности, которую регистрируют правоохранительные органы, и оказалось, что общесуммарная стоимость от преступности выросла от преступлений в сфере IT (где, как мы показали выше, самые массовыми категориями и являются «удаленные» кражи и мошенничество) от 10,8 до 31,5 млрд рублей [там же: 110].

Россия не единственная страна в мире, которая испытывает одновременное снижение «традиционной» имущественной преступности на фоне увеличения преступлений через интернет, телефоны и другие сети. Часть криминологов утверждают, что происходит замещение одного вида преступлений — традиционных краж и мошенничества — теми, которые опосредуются телекоммуникационными сетями и гаджетами [Caneppele, Aebi, 2019; Tcherni et al., 2016; Button, Cross, 2017; Miró-Llinares, Moneva, 2019]. Другие считают, что для таких каузальных выводов нет оснований, и настаивают, что снижение преступности и рост числа «удаленных» преступлений — одновременные и мало связанные друг с другом тренды [Farrell, Birks, 2018]. Общим местом этих обсуждений является признание высокой латентности

«удаленных» имущественных преступлений, что мешает дать оценку действительному объему преступных действий [Kemp, Miró-Llinares, Moneva, 2020]. Уровень обращения в полицию по «удаленным» имущественным правонарушениям в других странах также ниже, чем в традиционных преступлениях. Например, исследование в Нидерландах показало, что жертвы кражи личных данных в интернете сообщают о 26,3 % случаев, в то время как жертвы онлайн-мошенничества сообщают о 24 %. Это меньше, чем все традиционные преступления, включенные для сравнения, за исключением вандализма [Kemp, 2020: 131]. Национальная статистика в Англии и Уэльсе показала две наиболее распространенные причины, почему граждане не сообщают в полицию о таких преступлениях: 1) они уже сообщили о мошенничестве или краже в банк (40 %), 2) они считают, что об инциденте будет сообщено другим органом без их участия (23 %) [ibid.: 131]. Рассматриваемые нами виктимизационные опросы подтверждают этот тренд: об «удаленных» имущественных преступлениях жертвы сообщают реже, чем о других преступлениях [Серебрянников, Титаев, 2022: 24]. Между тем важно отметить, что предыдущие исследования [Semukhina, 2014: 317] фиксировали различия в обращении в полицию между жертвами «традиционных» краж (47,3 %) и face-to-face мошенничеств (5,9 %). К сожалению, в своей работе мы не можем проверить, сохраняются ли эти различия в реакции жертв имущественных онлайн-преступлений.

Замещение традиционных имущественных преступлений другими их видами и перетекание краж и иных видов хищений из квартир и карманов граждан в онлайн-среду ставят правоохранные органы всех стран перед новыми вызовами. Это вынуждает развивать новые способы оперативной работы и расширять штат подразделений, занятых в разведывательной активности в сети. Время детективов, ловящих карманников и грабителей, уходит в прошлое. На их смену приходят «бойцы компьютерного фронта» [Ziccardi, 2021; Kumar, 2021]. Именно поэтому важен учет трендов в преступном поведении и уровня виктимизации от преступлений новых типов, так как криминологические исследования показывают, что у каждого типа преступлений свой уровень латентности [Tarling, Morris, 2010; Penney, 2013]. Если государственные органы собирают адекватные этим трендам данные, они могут вовремя переориентировать правоохранные структуры на новые виды преступлений и способы их раскрытия. Тревожным сигналом для российских правоохранительных органов должно быть также то, что по описанным нами опросным данным почти на треть выросла доля россиян, посчитавших себя жертвами «удаленного» преступления без имущественного вреда. Значит, попытки «удаленного» мошенничества настолько широко распространены, что тревожат значительную часть общества, создают ощущение небезопасности.

Высокая искусственная латентность — когда потерпевший сообщает о преступлении, но не получает регистрации и расследования своего дела, — вызывает недоверие к полиции, что может снизить количество заявлений. Учитывая анонимность и транснациональность мошенничества в цифровую эпоху, потерпевшие могут считать полицию неспособной адекватно реагировать на этот вызов, даже если они и сообщают о случившемся в правоохранные органы. Однако рассматриваемые нами два опроса фиксируют постоянную долю тех, кто сообщает об «удаленном» имущественном преступлении в полицию (двое из пяти) и по-

том получает расследование дела — менее половины от обратившихся, или 18% от всех жертв «удаленной» имущественной преступности. Такой высокий уровень нерегистрации преступности смещает официальные данные.

Список литературы (References)

Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

Verkeev A. M., Volkov V. V., Dzmityrieva A. V., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Kuznetsova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Khodzhaeva E. A. (2019) How to Study Victims of a Crime? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>. (In Russ.)

Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под. ред. проф. А. Л. Репецкой. М.: Academia, 2009.

Repetskaya A. L. (ed.) (2009) *Victimological Characteristics of Regional Crime and its Prevention*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Гилинский Я. И. Криминология. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002.

Gilinski Ya. I. (2002) *Criminology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондралюк Л. В. Латентная преступность: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.

Goryainov K. K., Isichenko A. P., Kondrallyuk L. V. (1994) *Latent Crime: A Theoretical and Applied Research*. Moscow. (In Russ.)

Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. Научный доклад. М., 2001.

Goryainov K. K., Ovchinsky V. S., Kondratyuk L. V. (2001) *Improving the Relationship between Citizens and the Police. Access to Justice and a System for Detecting, Registering and Accounting of Crimes. An Analytical Report*. Moscow. (In Russ.)

Дворянкин О. А. Интернет-кражи — новые информационные технологии Интернета? // *Annali d'Italia*. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 15—22.

Dvoryankin O. A. (2022) Internet Theft — New Information Technologies of the Internet? *Annali d'Italia*. Vol. 28. No. 2. P. 15—22. (In Russ.)

Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // Прикладная эконометрика. 2023. Т. 69. С. 91—120.

Zhizhin L., Knorre A., Kuchakov R., Skougarevskiy D. (2023) Cost of Crime in Russia: A Compensating Variation Approach. *Applied Econometrics*. Vol. 69. P. 91—120. (In Russ.)

Жмуров Д. В., Коробеев А. И., Протасевич А. А. Кибервиктимология. Первое национальное исследование // Российский следователь. 2022. № 11. С. 49—59.

Zhmurov D. V., Korobeev A. I., Protasevich A. A. (2022) Cybervictimology. First National Survey. *Russian Investigator*. No. 11. P. 49—59. (In Russ.)

Жмуров Д. В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 35—43.
Zhmurov D. V. (2023) Digital Theft: Concept, Content, Victims and Their Classification. *Russian Journal of Criminology*. Vol. 17. No. 1. P. 35—43. (In Russ.)

Иншаков С. М. Исследование преступности: проблемы методики и методологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012.
Inshakov S. M. (2012) Crime Research: Technical and Methodological Problems. Moscow: UNITY-DANA; Law. (In Russ.)

Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса: аналитический обзор СПб.: ИПП ЕУСПб., 2018. https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Knorre A., Titaev K. (2018) Crime and Victimization in Russia: The All-Russian Survey Results. St. Petersburg: Institute for the Rule of Law. https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Латентная преступность в РФ в 2001—2006 / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007.
Inshakov S. M. (ed.) (2007) Latent Crime in the Russian Federation in 2001—2006. Moscow. (In Russ.)

Лунев В. В. (2005) Преступность XXI века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер.
Lunev V. V. (2005) Crime in the 21st Century: Global, Regional and Russian Trends. Moscow: Walters Kluwer. (In Russ.)

Серебренников Д., Титаев К. (2022) Динамика преступности и виктимизации в России 2018—2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса. СПб.: ИПП ЕУСПб. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Serebrennikov D., Titaev K. (2021) Dynamics in Crime and Victimization in Russia in 2018—2021: The Second All-Russian Survey Results. St. Petersburg: Institute for the Rule of Law. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Ходжаева Е. А. (2023) «Удаленные» имущественные преступления в России: уровень виктимизации населения и официальная статистика // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16—18 ноября 2023 года) / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Сциентиа. С. 402—405. URL: https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Khodzhaeva E. A. (2023) “Online” Property Crime in Russia: The Level of Victimization and Official Statistics. In: Russian Society Today: Values. Institutes, Processes: Ma-

terials of XVII All-Russian Conference Kovalev's Readings (16—18 November, 2023). Saint Petersburg: Scientia. P. 402—405. URL:

https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8. № 2. 143—148.

Khomenko A. N. (2021) On the Issue of Victimization of Victims of Cybercrime. *Victimology*. Vol. 8. No. 2. P. 143—148. (In Russ.)

Baier D. (2020) Kriminalität während des Corona-Lockdowns. Empirische Befunde auf Basis einer Dunkelfeldbefragung im Kanton Zürich. *Kriminologie*. Vol. 2. No. 3. P. 444—466. <https://doi.org/10.18716/ojs/krimoj/2020.3.4>.

Buil-Gil D., Miró-Llinares F., Moneva A., Kemp S., Díaz-Castaño N. (2021) Cybercrime and Shifts in Opportunities during COVID-19: a Preliminary Analysis in the UK. *European Societies*. Vol. 23. No. sup1. P. S47-S59. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1804973>.

Button M., Cross C. (2017) Technology and Fraud: The 'Fraudogenic' consequences of the Internet revolution. In: Maguire M., Holt T. (eds.) *The Routledge Handbook of Technology, Crime and Justice*. London: Routledge. P. 78—95.

Caneppele S., Aebi M. (2019) Crime Drop or Police Recording Flop? On the Relationship between the Decrease of Offline Crime and the Increase of Online and Hybrid Crimes. *Policing: A Journal of Policy and Practice*. Vol. 13. No. 1. P. 66—79. <https://doi.org/10.1093/police/pax055>.

Farrell G., Birks D. (2018) Did Cybercrime Cause the Crime Drop? *Crime Science*. Vol. 7. Art. 8. <https://doi.org/10.1186/s40163-018-0082-8>.

Furnell S. M. (2002) Categorising Cybercrime and Cybercriminals: The Problem and Potential Approaches. *Journal of Information Warfare*. Vol. 1. No. 2. P. 35—44.

Grabosky P. N. (2001) Virtual Criminality: Old Wine in New Bottles? *Social & Legal Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 243—249. <https://doi.org/10.1177/a017405>.

Hardyns W., Schokkenbroek J. M., Schapansky E., Keygnaert I., Ponnet K., Vandevive C. (2022) Patterns of Crime during the COVID-19 Pandemic in Belgium. In: *COVID-19, Society and Crime in Europe*. Cham: Springer. P. 239—258.

Hawdon J., Parti K., Dearden T. E. (2020) Cybercrime in America amid COVID-19: the Initial Results from a Natural Experiment. *American Journal of Criminal Justice*. Vol. 45. P. 546—562. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09534-4>.

Irvin-Erickson Y., Ricks A. (2019) Identity Theft and Fraud Victimization: What We Know about Identity Theft and Fraud Victims from Research- and Practice-Based Evidence. Center for Victim Research. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/identity-theft-and-fraud-victimization-what-we-know-about-0> (accessed: 18.02.2024).

Johnson S. D., Nikolovska M. (2022) The Effect of COVID-19 Restrictions on Routine Activities and Online Crime. *Journal of Quantitative Criminology*. <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09564-7>.

Kemp S. (2020) Fraud against Individuals in the Internet Era: Trends, Victimization, Impact and Reporting. Doctoral Thesis. URL: <https://www.tdx.cat/handle/10803/671164#page=1> (accessed: 18.02.2024).

Kemp S., Miró-Llinares F., Moneva A. (2020) The Dark Figure and the Cyber Fraud Rise in Europe: Evidence from Spain. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 26. No. 3. P. 293—312.

Kennedy J. P., Rorie M., Benson M. L. (2021) COVID-19 Frauds: An Exploratory Study of Victimization during a Global Crisis. *Criminology & Public Policy*. Vol. 20. No. 3. P. 493—543. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12554>.

Khweiled, R., Jazzar, M., Eleyan, D. (2021). Cybercrimes during COVID-19 Pandemic. *International Journal of Information Engineering & Electronic Business*, 13(2): 1—10, DOI:10.5815/ijieeb.2021.02.01.

Kumar M. (2021) Mobile Forensics — Tools, Techniques and Approach. In: Curran K., Ijeh A. C. (eds.) *Crime Science and Digital Forensics. A Holistic View*. Boca Raton, London, New York: CRC Press, Taylor & Francis. P. 102—116.

Miró-Llinares F., Moneva A. (2019) What about Cyberspace (And Cybercrime Alongside It)? A Reply to Farrell and Birks “Did Cybercrime Cause the Crime Drop?”. *Crime Science*. Vol. 8. Art. 12. <https://doi.org/10.1186/s40163-019-0107-y>.

Penney T. (2013) Dark Figure of Crime (Problems of Estimation). In: Albanese J. S. (ed.) *The Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118517383.wbeccj248>.

Reep-van den Bergh C. M., Junger M. (2018). Victims of Cybercrime in Europe: A Review of Victim Surveys. *Crime Science*. Vol. 7. Art. 5. <https://doi.org/10.1186/s40163-018-0079-3>.

Semukhina O. (2014) Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 38. No. 4. P. 305—325. <https://doi.org/10.1080/01924036.2013.872690>.

Skogan W. G. (1975) Measurement Problems in Official and Survey Crime Rates. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 3. No. 1. P. 17—31.

Skogan W. G. (1977) Dimensions of the Dark Figure of Unreported Crime. *Crime & Delinquency*. Vol. 23. No. 1. P. 41—50.

Tarling R., Morris K. (2010) Reporting Crime to the Police. *The British Journal of Criminology*. Vol. 50. No. 3. P. 474—490.

Tcherni M., Davies A., Lopes G., Lizotte A. (2016) The Dark Figure of Online Property Crime: Is Cyberspace Hiding a Crime Wave? *Justice Quarterly*. Vol. 33. No. 5. P. 890—911.

Wall D. S. (2007) *Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age*. Cambridge: Polity.

Wall D. (1999) Cybercrimes: New Wine, No Bottles? In: Davies P., Francis P., Jupp V. (eds.) *Invisible Crimes*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27641-7_5.

Wall D. S. (2001) Cybercrimes and the Internet. In: Wall D. S. (ed.) *Crime and the Internet*. New York: Routledge. P. 1—17.

Weulen Kranenbarg M. (2021) Cyber-Dependent Crime versus Traditional Crime: Empirical Evidence for Clusters of Offenses and Related Motives. In: *Cybercrime in Context: The Human Factor in Victimization, Offending, and Policing*. Cham: Springer. P. 195—216.

Ziccardi G. (2021) Law Enforcement Agencies in Europe and the Use of Hacking Tools During Investigations. Some Legal Informatics, Civil Rights and Data Protection Issues. In: Curran K., Ijeh A. C. (eds.) *Crime Science and Digital Forensics. A Holistic View*. Boca Raton, London, New York: CRC Press, Taylor & Francis. P. 87—101.

Приложение 1

Составы УК РФ, включенные в учет Генеральной прокуратурой в структуру преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (без учета составов с нулевой или единичной представленностью, >50 преступлений в 2021 г.)

- развратные действия ст. 135 УК РФ;
- нарушение неприкосновенности частной жизни ст. 137 УК РФ;
- нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений ст. 138 УК РФ;
- незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации ст. 138.1 УК РФ;
- нарушение авторских и смежных прав ст. 146 УК РФ;
- кража ст. 158 УК РФ;
- кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;
- мошенничество ст. 159 УК РФ;
- мошенничество с использованием электронных средств платежа ст. 159.3 УК РФ;
- мошенничество в сфере компьютерной информации ст. 159.6 УК РФ;
- вымогательство ст. 163 УК РФ;
- незаконные организация и проведение азартных игр ст. 171.2 УК РФ;
- незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну ст. 183 УК РФ;
- неправомерный оборот средств платежей ст. 187 УК РФ;
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205.2 УК РФ;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества ст. 228.1 УК РФ;
- незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта ст. 234 УК РФ;
- незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов ст. 242 УК РФ;
- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних ст. 242.1 УК РФ;
- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов ст. 242.2 УК РФ;
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ;
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства ст. 282 УК РФ;
- неправомерный доступ к компьютерной информации ст. 272 УК РФ;

- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ ст. 273 УК РФ;
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации ст. 274.1 УК РФ.

Приложение 2

Таблица. Детали RCVS 2018, 2021
(составлено по [Кнорре, Титаев, 2018: 6—8; Серебrenников, Титаев, 2022: 6—7])

Параметры сравнения	2018	2021
Число опрошенных	16 818	14 431
Из них: уазвали себя жертвами преступлений за последние 5 лет	3001	3002
Из них: назвали себя жертвами за последние 12 месяцев	1288	1571
Охват	75 регионов и более 3200 населённых пунктов. Опрос репрезентативен для коммуникативно активного совершеннолетнего населения России. Но не репрезентативен на региональном уровне	Все регионы страны, более 3500 населённых пунктов. Опрос репрезентативен для коммуникативно активного совершеннолетнего населения России. Но не репрезентативен на региональном уровне
Вопросы, которые задавались всем	Для первых 3500 человек из «не-жертв» и всем жертвам: социально-демографические характеристики, доход. Остальным только вопросы о поле, возрасте и населенном пункте	Социально-демографические характеристики, доход, населенный пункт и страхах перед преступностью
Вопросы, которые задавались только жертвам преступлений	Криминологические характеристики ситуации преступления, характеристики преступника, поствиктимное поведение жертвы	